

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1₍₄₎
ВЕСНА — ЛЕТО
2006

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

К 80-летию
со дня рождения
Л.Н. Меньшикова

В НОМЕРЕ:

<i>И.Ф. Попова.</i> Лев Николаевич Меньшиков (1926–2005)	5
<i>Фу Сянь-чжань.</i> Памяти Мэн Ле-фу	16
<i>М.В. Баньковская.</i> Не последний поклон	20

ПУБЛИКАЦИИ

Биографии корейских монахов-паломников в «Хэдон косын чон» и «Да Тан си юй цю фа гао сэн чжуань». Сравнительный анализ и перевод с ханмуна <i>Ю.В. Болтач</i>	22
«Гундзин тэкую» («Императорское указание военно-служащим») как памятник военной истории Японии. Введение, перевод с японского и примечания <i>Е.М. Османова</i>	46
Из сборника Су Ши «Дун-по чжи линь» (материалы к истории сунских <i>бицзи</i> , 6). Комментированный перевод с китайского <i>И.А. Алимova</i>	54
<i>Ал-‘Аллāма ас-саййид</i> Мухаммад Хусайн ат-‘Абāтабаба’й (ум. в 1402/1981 г.). «Весы (справедливости) в толковании ал-Кур’ана» (ал-Мйзāн фй тафсйр ал-Кур’ан). Перевод с арабского и примечания <i>С.М. Прозорова</i>	82

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>А.Е. Иванов.</i> «Цзо чжуань» и «Ши цзинь»: от цитаты — к первоисточнику	108
<i>В.Л. Успенский.</i> Поездка иеромонаха Амфилохия в Монголию в 1912–1914 гг.	137

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2006

<i>М.И. Воробьева-Десятовская.</i> Фрагмент письма мхароштки из коллекции С.Ф. Ольденбурга	145
<i>С.Л. Невелева.</i> Именованье персонажей в «Махабхарате»	150
<i>И.Т. Зограф.</i> Части речи в среднекитайском языке (по памятникам средневекового <i>байхуа</i>)	164
<i>Е.В. Степанова.</i> Радость странствий: Эпиграфика	181
<i>И.И. Надиров.</i> Древнеарабский культ орла (по эпиграфическим материалам)	194

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>А.Д. Кныш.</i> Историография исследований по суфизму на Западе и в России (на англ. яз.)	206
<i>Е.И. Кычанов.</i> Источник по истории тибетского права в китайском переводе	239
<i>Р.С. Бейсебаев.</i> К вопросу о соотношении текстов ал-Истахри и Ибн Хаукаля в разделе о Мавараннахре	244

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

На четвертой сторонке обложки:	<i>Л.И. Чугуевский.</i> Шиллинг Павел Львович [Обозрение фонда № 56 Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН]. Вступление и публикация <i>И.Ф. Поповой</i>	249
Из китайского альбома акварелей на «рисовой» бумаге (<i>тунцао</i>) в собрании СПбФ ИВ РАН (Фонд Китайский Nova 15)	<i>Н.В. Кюнер.</i> Н.Я. Бичурин и изучение истории Центральной Азии (по материалам его «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»). Вступление и публикация <i>А.М. Решетова</i>	263

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

	<i>И.В. Кульганек.</i> Конференция «215 лет изучения монгольского фонда Азиатского музея — СПбФ ИВ РАН: от первого списка до трехтомного каталога» (Санкт-Петербург, 6 июня 2005 г.)	273
	<i>Т.А. Пан.</i> 2-я Северо-Американская международная конференция по маньчжуроведению (Гарвардский ун-т, США, 27–29 мая 2005 г.)	276
Над номером работали:	<i>И.Ф. Попова, Таката Токио.</i> Семинар «Дуньхуановедение на берегах Невы» (Санкт-Петербург, 4–6 июля 2005 г.)	279

Т.А. Аникеева
В.В. Волгина
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Волкова
М.П. Горшенкова
В.И. Мартынюк
А.В. Богатюк
Э.Л. Эрман

РЕЦЕНЗИИ

<i>К.Г. Маранджян.</i> «Уцухо-моногатари» («Повесть о дупле») Введ., пер. и примеч. В.И. Сисаури	282
<i>Т.И. Виноградова.</i> Views from the West. Collection of 19th century pith paper watercolours donated by Mr. Ifan Williams to the City of Guangzhou	284

Биографии корейских монахов-паломников в «Хэдон косын чон» и «Да Тан си юй цю фа гао сэн чжуань»

Сравнительный анализ и перевод с ханмуна Ю.В. Болтач

«Жизнеописания достойных монахов Страны, что к востоку от моря» (*Хэдон косын чон* 海東高僧傳, далее — ХКЧ)¹ являются самым ранним из сохранившихся до настоящего времени памятников средневековой корейской буддийской историографии. Это собрание биографий² выдающихся деятелей корейского буддизма было составлено около 1215 г. монахом Какхуном 覺訓, настоятелем столичного монастыря Ёнтхонса 靈通寺. О личности автора ХКЧ нам известно сравнительно немного. Из кратких упоминаний о Какхуне, разбросанных по произведениям его современников³, можно заключить, что этот монах был не только высокопоставленным буддийским иерархом, но и талантливым поэтом, близким к литературному объединению «Семеро мудрых из Страны к востоку от реки» (*Канчва чхирхён* 江左七賢)⁴. К сожалению, из всех произведений Какхуна до наших дней дошли лишь две первые книги ХКЧ⁵, содержащие кроме авторского рассуждения (*нон* 論), где дается беглый очерк

¹ См.: Хэдон косын чон 海東高僧傳. // ТСД. Т. 50, № 2065.

² Мы сознательно не пользуемся термином «жития» применительно к китайским и корейским биографиям монахов, чтобы не навязывать читателю не вполне корректные ассоциации с западноевропейской и русской агиографической традицией. Как было показано М.Е. Ермаковым на материале лянских «Жизнеописаний достойных монахов» 梁高僧傳, между существовавшим на Западе жанром житийной литературы и китайскими жизнеописаниями выдающихся монахов имеется целый ряд принципиальных различий, проявляющихся как в критериях отбора материала, так и в способах его изложения (см.: Хуэй-цзяо. Жизнеописания достойных монахов (Гао сэн чжуань). Пер. с кит., исслед., коммент. и указ. М.Е. Ермакова. Т. 1. М., 1991. С. 59–64). Близость методологических установок китайских и корейских авторов, которые ориентировались в своей работе на общедальневосточную историографическую норму, дает нам право распространить выводы М.Е. Ермакова и на корейские жизнеописания монахов.

³ Упоминания современников о Какхуне собраны корейским исследователем Ли Пёнхуном в предисловии к подготовленному им критическому изданию ХКЧ. См.: Хэдон косын чон 海東高僧傳. 覺訓選. 李炳燾譯 (Жизнеописания достойных монахов [Страны, что] к востоку от моря. Авт. Какхун. Перев. Ли Пёнхун). Сеул, 1975.

⁴ В эту группу входили семь выдающихся корейских литераторов: Ли Инно 李仁老, О Сечжэ 吳世才, Лим Чхун 林椿, Чо Тхон 趙通, Хван Похан 皇甫抗, Хам Сун 咸淳 и Ли Тамчжи 李湛之. Смута конца XII в. заставила этих ученых удалиться от дел и по примеру китайских «Семи мудрецов из бамбуковой рощи» (*Чжунлинь цзянь* 竹林七賢) посвятить себя изящной словесности. См.: Чынбо сз кукса сачжон 增補世國史事典. 李弘植博士編 (Дополненный новый словарь отечественной истории. Авт. д-р Ли Хончжик). Сеул, 2001. С. 32.

⁵ Вопрос об объеме и содержании утраченной части памятника остается дискуссионным. См.: Хэдон косын чон 海東高僧傳. 覺訓 지음. 章輝玉 옮김 (Жизнеописания достойных монахов [Страны, что] к востоку от моря. Авт. Какхун. Перев. Чан Хвиок) // Хэдон косын чон, Тонса ёльчжон, Тэдон сонгё го, Тонгук сынни нок 海東高僧傳. 東師列傳. 大東禪教攷. 東國僧尼錄 (Жизнеописания достойных монахов [Страны, что] к востоку от моря. Образцовые жизнеописания наставников Восточного [государства]. Размышления о [школах] Сон и Кё великого Восточного [государства]. Записки о монахах и монахинях Восточной страны). Сеул, 1994. С. 13–14; Lives of Eminent Korean Monks. The Haedong Kosung Chon. Tr. with an introd. by P.H. Lee. Harvard-Yenching Institute Studies XXV. Cambridge, Mass., 1969. P. 2, примеч. 7; *An Kye-hyon. The Historical Accounts of Buddhism // Buddhism in Koryo: A Royal Religion*. Lancaster L.R., Suh Kikun and Yu Chai-shin (ed.). Berkeley, 1996. P. 88.

истории возникновения и распространения буддийского учения, восемнадцать самостоятельных биографий (*чон* 傳), некоторые из которых включают в себя вставные жизнеописания других лиц. Более половины биографий завершаются славословиями (*чан* 贊). Памятник написан на литературном китайском языке (*вэньянь* 文言 // *ханмун* 漢文), который вплоть до новейшего времени служил в Корее общепризнанным языком высокой литературы.

ХКЧ (по крайней мере, в сохранившейся своей части) не является первичным историческим источником. Живший на рубеже XII и XIII вв. Какхун физически не мог быть свидетелем событий, происходивших в III–VII вв. (а именно в эту эпоху разворачивается основное действие его сочинения), и поэтому был вынужден черпать необходимые для своей работы фактические сведения из целого ряда более ранних произведений буддийской и светской историографии. Практически все использованные Какхуном труды средневековых корейских историков (кроме официальной хроники «Исторические записи трех государств» 三國史記⁶, составленной в 1145 г.) ныне утрачены⁷. Обособленное положение, которое в силу этого занимает ХКЧ среди других произведений корейской историографии, и уникальность содержащейся в этом памятнике информации делают проблему установления аутентичности сообщаемых Какхуном сведений особенно актуальной. К счастью, автор ХКЧ пользовался для своего сочинения данными не только корейских, но и китайских источников. Труды китайских авторов, на которые ссылается Какхун в своей работе, сохранились до наших дней и легко могут быть идентифицированы. Текстологическое сопоставление этих произведений с основанными на них фрагментами ХКЧ способно помочь хотя бы приблизительно оценить степень достоверности (точнее — соответствия первоисточникам) текста ХКЧ в целом, а также определить характер изменений, внесенных Какхуном в свое произведение по сравнению с источниками.

Едва ли не самые обширные извлечения были сделаны Какхуном из труда китайского буддийского паломника И-цзина 義淨 (635–713) «Жизнеописания достойных монахов Великой Тан, искавших Закон в западных пределах» (*Да Тан си юй цю фа гао сэн чжуань* 大唐西域求法高僧傳, далее — ДТ ГСЧ)⁸. Это произведение включает в себя более пятидесяти биографий дальневосточных монахов, совершивших путешествие в Индию во второй половине VII в. Несколько жизнеописаний в сочинении И-цзина посвящены корейским паломникам. Именно эти биографии и привлекли внимание Какхуна, включившего их в сильно переработанном виде во второй том ХКЧ.

Произведение Какхуна содержит шесть самостоятельных жизнеописаний монахов-паломников — Ариябальмы, Хеопы, Херюна, Хёнгака, Хёнью и Хёндэ. Кроме того, биография Хёнгака включает в себя вставные жизнеописания «двух безымянных монахов» и Хёнчжо, так что в общей сложности предметом нашего исследования оказываются восемь биографий. Все они имеют прототипы в ДТ ГСЧ⁹. Параллелизм первых семи пар биографий совершенно очевиден, и поэтому мы считаем допустимым в ходе дальнейшей работы рассматривать эти жизнеописания как типологически

⁶ Полное издание текста и русский перевод этого памятника см.: *Ким Бусик. Самгук саги. Изд. текста, пер., вступит. ст. и коммент.* М.Н. Пака. Т. 1–3. М., 1959–2002.

⁷ Плохая сохранность средневековой корейской исторической литературы станет понятной, если учесть, что история Кореи изобиловала гражданскими войнами и внешними вторжениями. Книги и доски для их печатания представляли слишком малую материальную ценность, чтобы возбудить алчность завоевателей, и поэтому книгохранилища во время войн попросту уничтожались.

⁸ См.: Да Тан си юй цю фа гао сэн чжуань. 大唐西域求法高僧傳 (Жизнеописания достойных монахов Великой Тан, искавших Закон в западных пределах) // ТСД. Т. 51, № 2066.

⁹ Орфография некоторых имен в ДТ ГСЧ и ХКЧ иногда расходится (возможные причины этого будут подробно рассмотрены ниже). Во избежание путаницы здесь и далее мы будем пользоваться только вариантами написания имен, принятыми в основном тексте биографии ХКЧ.

единую группу. Восьмую же биографию (жизнеописание Хёнчжо), в силу некоторой специфичности отношения между ее «китайской» и «корейской» версиями, мы анализируем отдельно, в самом конце статьи.

* * *

При сопоставлении семи параллельных биографий корейских паломников, имеющих в ХКЧ и ДТ ГСЧ, сразу бросается в глаза то, что почти все включенные в произведение Какхуна жизнеописания по объему гораздо больше своих китайских прототипов. Абсолютный рекорд в этом отношении принадлежит биографии Хёнью, которая в ДТ ГСЧ насчитывает лишь 24 иероглифа, а в ХКЧ расширяется почти в десять раз — до 229 иероглифов. Подобное увеличение объема жизнеописаний происходит за счет обширных интерполяций, типологически распадающихся на несколько категорий. Чаще всего¹⁰ Какхун добавляет в свой текст полностью отсутствующие в ДТ ГСЧ похвалы характеру и талантам героев. Хотя эти «психологические портреты» строятся по сходному шаблону, набор упоминающихся в них нравственных качеств обычно строго индивидуален. Совсем непохожи друг на друга, к примеру, характеристики Хёнгака и Хёнью:

Сок Хёнгак [был] уроженцем Силла. [Он отличался] умом, самостоятельностью [и] упорством, а также обширными познаниями [и] великой проницательностью. По характеру [своему] любя толкование [и] разъяснение [буддийских текстов], [он] следовал чувствам [своих слушателей и] учитывал [уровень их] способностей. Современники называли [его] «лотосом среди пламени».

Сок Хёнью [был] уроженцем Когурё. Миролюбивый [по своему] характеру, [он был] скромн [и] дружелюбен; одаренный [по своей] натуре, [он был] приветлив [и] благороден. Помыслы [Хёнью] направлялись к двум пользам, [а] воля сосредоточивалась на настойчивых поисках [истины]. [Ради достижения своей цели он был способен] сесть в чашку и плыть против течения [или] построить жилище в глубокой пропасти.

Индивидуализируя характеры своих героев, Какхун, однако, подчеркивает в них такие общие черты, как целеустремленность, решительность, настойчивость, т.е. как раз те качества, которые помогли этим паломникам успешно преодолеть долгий и трудный путь к священным пределам Индии.

Кроме того, Какхун дополняет некоторые¹¹ жизнеописания ХКЧ сведениями о пути героя из Кореи в Китай и о его деятельности в Китае, которых нет в большинстве¹² биографий ДТ ГСЧ. Объем этой части жизнеописания может варьироваться от краткого указания на то, каким именно путем паломник добрался до Китая (жизнеописание Хёндо), до развернутого повествования, в котором подробно излагаются причины, побудившие героя покинуть родину (жизнеописание Хёнгака), а также повествуется о его занятиях в Китае (жизнеописание Хёнью).

И наконец, Какхун часто расширяет лаконичные сообщения И-цзина, касающиеся путешествия героя из Китая в Индию и его подвигов в Индии. В то время как И-цзин обычно ограничивается упоминанием о том, когда именно паломник отправился в Индию, иногда добавляя, какой маршрут (северный, сухопутный, или южный, морской) тот избрал, Какхун щедро расцветчивает повествование красочными описания-

¹⁰ В биографиях Ариябальмы, Хеопы, Хёнгака, Хёнью и Хёндо.

¹¹ Биографии Ариябальмы, Хеопы, Хёнгака, Хёнью и Хёндо.

¹² Упоминание о том, каким образом герой жизнеописания добрался до Китая, присутствует только в одном жизнеописании ДТ ГСЧ — биографии Херюна. Этот фрагмент почти дословно воспроизводится в соответствующем жизнеописании ХКЧ.

ми трудностей, с которыми пришлось столкнуться в пути его герою. Выразительный пример подобной трансформации мы находим в жизнеописании Хеопса:

ДТ ГСЧ

В годы [правления под девизом] Чжэнь-гуань [он] отправился в Западный край. [Хеоп] поселился в монастыре Бодхи, [где] видел следы совершенно-мудрого [и] поклонился [им].

ХКЧ

→ Затем в годы [правления под девизом] Чжэнь-гуань [он] отправился в Западный край. [Хеоп] пересекал широкие пустыни с сыпучими песками [и] взбирался на высокие горы с заснеженными вершинами. Каждый раз, лишь только чистый блеск [солнечных лучей] возвещал о [наступлении] рассвета, [Хеоп] скрывался [и] ложился [отдыхать] в темном лесу, [а] когда ясная луна [знаменовала] погружение [мира] в ночь, [этот монах] преодолевал [препятствия] на бесконечной дороге. Не дорожа [своей] жизнью, [Хеоп стремился] обрести Закон, твердо решив повсеместно распространять [буддийское учение]. После [прибытия в Индию он] посетил монастырь Бодхи, [где] видел следы совершенномудрого [и] поклонился [им].

Интерполяции Какхуна по своей стилистике заметно отличаются от цитат из оригинального текста И-цзина. Для последних характерен простой по лексике и ясный по грамматике язык, в то время как первые отличаются сложностью лексики (широким употреблением нечастотных иероглифов, а также различных устойчивых выражений, восходящих к цитатам из классической китайской литературы) и поэтому малопонятных без знакомства с текстом, откуда они заимствованы¹³, равно как и некоторой неоднозначностью грамматических форм. Кроме того, Какхун, в отличие от своего китайского коллеги, широко пользуется стилистическим приемом параллелизма, заключающимся в постановке подряд двух или более одинаковых по синтаксической структуре фраз, которые перекликаются по своему значению¹⁴. Примером применения этого приема может послужить цитата из жизнеописания Хёнгака:

Временами громоздящиеся скалы смыкались с четырех [сторон] — [тогда он следовал] путям птиц вровень с облаками. Временами сплошные льды [простирались] на тысячу *ли* — [тогда он] шел [подобно] ветру [и] отдыхал [подобно] облаку.

При анализе смыслового содержания вставок, сделанных Какхуном в исходный текст, перед нами встает естественный вопрос: откуда автор ХКЧ черпал сведения, которыми он дополнял сообщения И-цзина? Маловероятно, чтобы Какхун привлекал для этого данные каких-нибудь вспомогательных письменных источников, потому что он сам непременно упомянул бы об этом — ведь во всех остальных жизнеописаниях ХКЧ он пунктуально давал ссылки на использованные им произведения¹⁵.

¹³ Эти скрытые цитаты выявлены и откомментированы в классическом английском переводе ХКЧ, выполненном американским исследователем П. Ли. См.: *Lives of Eminent Korean Monks*.

¹⁴ О параллелизме как стилистическом приеме см.: *Никитина Т.Н.* Грамматика древнекитайских текстов. Конструкции с особыми глаголами и прилагательными. Необычные функции знаменательных слов. Служебные слова. Структура текста. Уч. пос. Л., 1982. С. 139–142.

¹⁵ Так, например, в жизнеописании Адо 阿道, помещенном в т. 1 ХКЧ, Какхун ссылается на «Древние записи» 古記 (ТСД. Т. 51, 1018а 9), «Стихотворную историю» 詩史 (ТСД. Т. 51, 1018а 21) и «Предания о необычном» 殊異傳 (ТСД. Т. 51, 1018а 27). (Привлекая данные биографии Адо, мы, разумеется, несколько выходим за рамки избранного нами для рассмотрения материала.)

Трудно также допустить, что во времена Какхуна в корейской устной традиции сохранились какие-либо независимые от литературных источников предания о ходивших в Индию паломниках, поскольку эти монахи, все без исключения окончившие жизнь в чужих краях, естественно, не имели возможности непосредственно поведать соотечественникам о виденном и пережитом. Остается предположить, что интересующие нас интерполяции — плод творчества самого Какхуна. Но можно ли на этом основании обвинять автора ХКЧ в преднамеренной фальсификации фактов и ставить под сомнение ценность его произведения как исторического источника? Для ответа на этот вопрос нам придется сделать небольшой экскурс в область герменевтики.

Общеизвестно, что любой текст — как художественный, так и научный — создается его автором для того, чтобы оказать определенное влияние на потенциального читателя, и именно этой задачей определяется как подбор включаемых в произведение фактов, так и способ их изложения. Очевидно, что цели, которые ставили перед собой И-цзин и Какхун, не могли быть одинаковыми, поскольку в противном случае в создании ХКЧ как самостоятельного произведения просто не возникло бы необходимости: Какхун мог бы ограничиться переизданием ДТ ГСЧ и других исторических источников, где встречаются упоминания о деяниях выдающихся корейских буддистов прошлого.

В чем же именно заключается отличие «авторского элемента» в ХКЧ от такового в других произведениях сходного жанра, в частности — ДТ ГСЧ? Мы берем на себя смелость предположить, что цель И-цзина, который стремился *зафиксировать в своем произведении сведения о возможно большем числе известных ему дальневосточных паломников*, была по своему характеру скорее «количественной», в то время как Какхун ставил себе задачу «качественную» — *воздать хвалу подвигам своих весьма немногочисленных героев и прославить их имена*, незаслуженно забытые в родной стране. Но если И-цзин, лично совершивший паломничество в Индию и хорошо знакомый со многими будущими персонажами своего произведения, несомненно, располагал более чем достаточным для достижения своей цели запасом информации и был свободен в выборе фактов, то Какхуну, не являвшемуся очевидцем описываемых им событий, при работе над ХКЧ оставалось довольствоваться лишь скупыми сообщениями китайского первоисточника. Поскольку же цель, которую ставил себе Какхун, была совсем иной, чем у И-цзина, создателю ХКЧ часто недоставало имевшихся в ДТ ГСЧ сведений, и поэтому в наиболее патетических местах своего произведения для усиления эмоционального воздействия на читателя он был вынужден вносить в сухой и лаконичный текст китайского автора собственные красочные дополнения. Важно подчеркнуть, однако, что эти интерполяции, хотя они и не основаны на данных каких-либо внешних источников, ни в коем случае не являются плодом досужего вымысла автора ХКЧ¹⁶. Какхун не выдумывал факты, а добросовестно *реконструировал* их на основе имевшихся у него данных, экстраполируя на жизнеописание корейских паломников информацию, содержащуюся в других биографиях ДТ ГСЧ, а также прибегая к элементарным логическим умозаключениям. Действительно, вполне можно предположить, к примеру, что если некий китайский монах по пути в Индию «поднялся на гребень Гималаев»¹⁷, то аналогичный подвиг должен был со-

¹⁶ Важно отметить, что чудесный, «сверхъестественный» (даже в современном смысле этого слова) элемент вообще отсутствует в этом разделе ХКЧ, хотя пронизывающая биографии паломников тема путешествия в дальние страны предоставляет почти ничем не ограниченный простор для авторского воображения. Достаточно вспомнить, что практически аналогичный сюжет (история знаменитого паломничества Сюань-цзана в Индию) вдохновил китайского литератора У Чэн-эня 吳承恩 на создание фантастической эпопеи «Путешествие на Запад» 西遊記 (рус. пер. см.: У Чэн-энь. Путешествие на Запад. Т. 1–4. М., 1959).

¹⁷ Эпизод из жизнеописания Сюань-чжао 玄照 (ТСД. Т. 51, 1с 2).

вершить и следовавший тем же маршрутом его корейский современник¹⁸. Не менее естественно допустить, что если паломник приложил огромные усилия, чтобы достичь страны, где зародилось и расцвело буддийское учение, то он в полной мере воспользовался преимуществами своего положения и, «нося за спиной ящик с книгами, усердно учился — словно] шлифовал нефрит, [чтобы] изготовить сосуд»¹⁹. Единственное, в чем бы мог упрекнуть Какхуна как историка его самый придирчивый современный коллега, — это в несоблюдении правила четкого разграничения почерпнутых из первоисточника сведений и реконструированных самим автором фактов. Принцип этот, однако, был выработан лишь европейской исторической наукой нового времени, и едва ли будет уместно требовать его последовательного соблюдения от корейского автора XIII в. С точки же зрения норм традиционной дальневосточной историографии произведение Какхуна выполнено вполне корректно. Так, он строго отделяет авторские рассуждения и славословия от основного текста биографий. В интересующей нас части работы можно найти один образец такой маркированной вставки, а именно славословие, которое завершает посвященный паломникам раздел ХКЧ и содержит возвеличивающее героев этих биографий сравнение их со знаменитыми китайскими паломниками Фа-сянем и Сюань-цзаном, а также послами Чжан Цянем и Су У.

* * *

Кроме объемных интерполяций Какхун вносил в исходный текст и такие изменения, которые не были связаны с осязательным увеличением или уменьшением его объема. Так, легко заметить, что последовательность жизнеописаний в ХКЧ не совпадает с принятой в китайском первоисточнике. Кроме того, в пяти случаях²⁰ перестановке подверглись небольшие фрагменты текста внутри биографий. Сюжетная канва исходного повествования этим, однако, не нарушилась, поскольку факты, сообщаемые в этих отрывках, не имеют точной хронологической привязки. Абсолютно не имеет значения, к примеру, где именно в жизнеописании — до или после упоминания о смерти героя — автор указывал, в каком возрасте тот скончался²¹. Возможную причину появления этих перестановок в тексте ХКЧ мы рассмотрим позднее, а пока обратим внимание еще на один пункт расхождения между ХКЧ и ДТ ГСЧ — орфографию собственных имен и географических названий. В общей сложности нам удалось выявить девять разночтений подобного рода. В трех случаях мы имеем дело с чередованием иероглифов 惠 «милость» и 慧 «мудрость»:

ДТ ГСЧ		ХКЧ (основной текст)
Хеоп 慧業	→	Хеоп 惠業
Херюн 慧輪	→	Херюн 惠輪
«Доспехи мудрости» 慧甲	→	«Доспехи милости» 惠甲

Этому несовпадению, однако, не следует приписывать большого значения, поскольку иероглифы 惠 и 慧 в именах собственных легко заменяют друг друга. Так, в перечне имен героев биографий, открывающем второй том ХКЧ, интересующие нас имена пишутся через 慧, то есть по орфографии И-цзина.

Еще пять случаев расхождения написания имен в ХКЧ и ДТ ГСЧ связаны с заменой исходных иероглифов близкими по начертанию знаками:

¹⁸ Жизнеописание Хеопа.

¹⁹ Жизнеописание Хёнгака.

²⁰ Один раз — в жизнеописании Хёнгака, по два раза — в биографиях Херюна и Хёндэ.

²¹ Жизнеописание Хёнгака.

ДТ ГСЧ	→	ХКЧ
Ананьябальма 阿難耶跋摩	→	Ариябальма 阿離耶跋摩
страна Амаравати 菴摩羅跋國	→	страна Амаравати 菴摩羅波國
[монастырь] Гандхарачанда	→	монастырь Гандхарачанда
健陀羅山茶	→	健陀羅山茶寺
Хэнтхэ 玄太	→	Хёндэ 玄大
Сарваджня-дэва 薩婆慎若提婆	→	Сарваджня-дэва 薩婆慎菩提婆

Маловероятно, чтобы эти никак не оговоренные и не мотивированные изменения были сделаны самим Какхун, который более чем осторожно относился к вопросам орфографии имен²². Следует практически исключить и возможность простой ошибки со стороны автора ХКЧ, поскольку трудно предположить, чтобы Какхун, который, судя по насыщенному цитатами языку его произведения, был весьма образованным (то есть начитанным в классической китайской и китаеязычной корейской литературе) человеком²³, мог сам допустить настолько элементарные описки. Наиболее вероятной причиной появления указанных выше несоответствий, таким образом, следует признать обычную невнимательность позднейших средневековых переписчиков. Нельзя исключить, однако, и возможности того, что автор ХКЧ при работе над своим произведением пользовался какой-либо иной (отличающейся от современной) версией текста ДТ ГСЧ.

И наконец, в последнем случае Какхун изменяет использованный И-цзином топоним «Корё» на «Кугорё». Нетрудно догадаться, зачем корейскому автору понадобилось вносить в текст эту поправку. Название «Когурё/Кугорё» 高句麗 / 句高麗 (в сокращении — «Корё» 高麗) во времена И-цзина носило одно из трех раннесредневековых корейских государств. Когурё пало в 668 г. под натиском своего извечного соперника — государства Силла, которое объединило под своей державой весь Корейский полуостров. Спустя двести пятьдесят лет полководец Ван Кон захватил власть в стране и основал новое государство, которому дал имя Корё 高麗, превратив тем самым белой вариант названия «Когурё/Кугорё» в самостоятельный топоним. Чтобы читателю было ясно, о какой именно стране и эпохе идет речь, Какхун, очевидно, и исправил в своем произведении «Корё» на «Кугорё».

Кроме модификации орфографии имен, Какхун, вставляя в свой текст цитаты из ДТ ГСЧ, иногда заменял отдельные слова и словосочетания более или менее близкими им по смыслу выражениями. В общей сложности можно выделить около полутора десятков случаев таких изменений. Иногда Какхун считал нужным прояснить смысл текста подстановкой на место какого-либо многозначного иероглифа его неполного синонима с более узким кругом значений, как, например, в жизнеописании Херюна:

ДТ ГСЧ	→	ХКЧ
之 «идти»		至 «прибывать»

*(также: местоимение 3-го лица — дополнение; постпозиционная частица, оформляющая определение, инверсированное дополнение или подлежащее зависимой конструкции)*²⁴

²² Так, в биографии Анхама 安含, помещенной в т. 2 ХКЧ (ТСД. Т. 50, 1021с 7–1022а 24), приводится отдельное вставное жизнеописание монаха по имени Анхон 安弘, который, несмотря на сходство его имени и основных биографических данных с таковыми героя основной биографии, отнюдь не отождествляется с ним. (Привлекая данные этой биографии, мы, разумеется, несколько выходим за пределы избранного нами для рассмотрения в данной статье материала.)

²³ Об учености Какхуна косвенным образом свидетельствует и тот факт, что повеление составить ХКЧ было дано его будущему автору непосредственно государем (ТСД. Т. 50, 1016b 14). Едва ли такого поручения удостоился бы человек малообразованный.

²⁴ В действительности конкретизация значения иероглифа 之 едва ли была здесь необходима, поскольку в том окружении, в каком он стоит в тексте (слева — наречие 既, справа — существительное со значением места), он физически не может выступать в каком-либо ином значении, кроме «идти».

В ряде случаев корейский автор заменял слова и словосочетания переключаясь с ними по смыслу лексическими единицами, как это можно видеть в жизнеописаниях Ариябальмы и «двух безымянных монахов»:

ДТ ГСЧ		ХКЧ
住 «селиться»	→	止 «останавливаться»
泛泊 «плыть»	→	汎舶 «плыть (на корабле)»

Некоторые из внесенных Какхуном стилистических правок — например, замена предлога 於 его более древним синонимом, сделанная в жизнеописании Хеопы, — имели целью дополнительно облагородить язык ХКЧ, придав ему несколько архаизированное звучание:

ДТ ГСЧ		ХКЧ
於 «в»	→	于 «в»

Большая консервативность языка Какхуна по сравнению с языком И-цзина (жившего на полтысячелетия раньше корейского автора) может, по нашему мнению, быть объяснена тем, что Какхун, блестяще зная классическую литературу, едва ли владел современным ему живым китайским языком, и поэтому его произведение было защищено от воздействия стихии разговорного языка, которое столь ощутимо в сочинениях многих китайских авторов.

Кроме этих лексических правок, не нарушающих общей логики повествования, в одном месте своего произведения Какхун вносит в исходный текст серьезные смысловые изменения. Речь идет о небольшом эпизоде из жизнеописания Хеопы:

ДТ ГСЧ		ХКЧ
於那爛陀久而聽讀淨因檢唐本 [Он] долго пробыл в [монастыре] Наланда и слушал [там] чтение [сутр и трактатов]. [Я], [И]-цзин, руководствуясь [его объяснениями], проверил китайские тексты [переведенных с санскрита книг].	→	又於那爛陀寺寄跡棲真久之請讀淨名經因檢唐本 Затем [он] поселился у чудесных следов в монастыре Наланда. Весьма долго пробыв там, [он] попросил [разрешения] прочитать «Вималакирти-[нирдеша]-сутру» [и], руководствуясь [санскритским оригиналом], проверил китайский текст [этой книги], глубоко проникнув в [ее] сокрытый смысл.

Логичнее всего было бы предположить, что здесь Какхун, вполне закономерно признав не укладывающийся по своему значению в общий контекст отрывка иероглиф 淨 «чистый» сокращением от какого-то имени собственного, ошибочно восстановил последнее, сочтя знак 淨 частью китайского названия «Вималакирти-нирдеша-сутры» 淨名經, а не вторым компонентом имени И-цзина 義淨²⁵, автора ДТ ГСЧ. При толковании иероглифа 淨 как названия литературного произведения исходная фраза приобретает следующий смысл:

[Он] долго пробыл в [монастыре] Наланда и слушал [там] чтение «Вимала[кирти-нирдеша-сутры]». Руководствуясь [санскритским оригиналом, Хеоп] проверил китайский текст [этой книги].

²⁵ Нормы китайского речевого этикета допускали употребление собственного имени человека в качестве формы самоназвания (эквивалента местоимения 1-го лица). Имя, которое состояло из нескольких знаков, могло при этом сокращаться до одного (обычно последнего) иероглифа.

Стремясь конкретизировать значение этого отрывка в соответствии со своей интерпретацией его содержания, Какхун расширил и дополнил цитату из ДТ ГСЧ, тем самым полностью изменив значение эпизода в целом.

* * *

Продолжая сопоставление текстов произведений Какхуна и И-цзина, мы не можем не заметить, что, несмотря на общую тенденцию к увеличению объема жизнеописаний в ХКЧ по сравнению с ДТ ГСЧ, во всех без исключения биографиях ДТ ГСЧ можно найти слова, словосочетания и целые отрывки текста, отсутствующие в соответствующих им жизнеописаниях ХКЧ. Сделанные Какхуном сокращения иногда имеют характер обычной стилистической правки. Так, например, корейский автор часто выбрасывает из включаемых им в свое произведение фрагментов сочинения И-цзина различные служебные слова. Самыми частыми жертвами лингвистического минимализма Какхуна оказываются субстантиватор / выделительная частица 者 (семь случаев опущения) и связка 也 (шесть случаев). Участь этих слов иногда разделяют также глагол-предлог 在 и союз 而 (по два случая), а также предлог 以 и глагол-предлог 經 (по одному случаю)²⁶. Возможно, эти изменения были вызваны тем, что Какхуну, являвшемуся не только ученым-историком, но и поэтом, даже в прозе удобнее было писать почти лишенным служебных слов языком, характерным для классического дальневосточного стиха.

Иногда, однако, Какхун удаляет из исходного текста весьма значительные по объему и содержанию отрывки. Большинство их составляют фрагменты, включающие в себя топонимы и этнонимы (минимум²⁷ десять случаев):

ДТ ГСЧ

В годы [правления под девизом] Юн-хуэй [Хэнтхэ] отправился в Тибет. Миновав Непал, [он] прибыл в Центральную Индию.

ХКЧ

→ В [годы правления танского] Гао-цзуна [под девизом] Юн-хуэй [Хэндэ] отправился в Центральную Индию.

Эти изменения по своему характеру явно противоречат уже определенным нами общим тенденциям работы Какхуна. Прежде всего, подобные опущения нарушают логику повествования и местами заметно искажают его смысл. Кроме того, они идут вразрез с основной задачей Какхуна — прославлением героев жизнеописаний через перечисление их подвигов (которое в биографиях паломников сводится, естественно, к возможно более детальному описанию маршрута их путешествия). И наконец, остается неясным, почему Какхун, обычно склонный демонстрировать свою эрудицию²⁸, внезапно отказывается от прекрасной возможности украсить текст своего сочинения малознакомыми корейскому читателю индийскими и центральноазиатскими географическими названиями.

Пытаясь найти объяснение загадочному молчанию, которым корейский автор обходит некоторые эпизоды из жизни своих героев, мы можем предположить, что при работе над ХКЧ Какхун полагался исключительно на свою память и не считал нужным сверяться по ходу дела с текстом источника. Умение легко запоминать

²⁶ Справедливости ради следует заметить, что в одном случае (в жизнеописании Хэнью) Какхун, напротив, дополняет исходный текст предлогом 於 «в».

²⁷ Приблизительность подсчета обусловлена тем, что в китайском тексте далеко не всегда можно провести грань между настоящими топонимами (именами собственными) и обычными существительными со значением места (именами нарицательными).

²⁸ Достаточно вспомнить о предельной насыщенности его произведения скрытыми цитатами из классической китайской литературы.

и впоследствии точно воспроизводить самый сложный китайский текст было практически нормой для любого средневекового ученого-начетчика, поскольку традиционное дальневосточное образование, сводившееся почти исключительно к заучиванию наизусть многотомных канонических сочинений, развивало в учащемся превосходную память на цитаты²⁹. Цифры, даты и прочие данные усваивались при этом лишь постольку, поскольку они были лингвистически необходимыми элементами изучаемого текста. Иными словами, работая с письменным источником, дальневосточный ученый воспринимал его содержание как непрерывную цепочку грамматически и семантически связанных друг с другом слов, а не как последовательность логически или хронологически вытекающих друг из друга фактов³⁰. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что Какхун мог по памяти приводить в своем сочинении весьма длинные (по 10–15 слов) отрывки из ДТ ГСЧ, но при малейшей попытке прервать дословное цитирование исходного текста немедленно начинал путаться в фактической основе повествования — особенно если в соответствующем отрывке говорилось о практически неизвестных автору ХКЧ местах Индии и Центральной Азии.

Если принять предположение о том, что Какхун писал свое произведение, не глядя в первоисточник, то получит объяснение и отмеченное нами выше расхождение последовательности биографий в ДТ ГСЧ и ХКЧ, равно как и перестановка фрагментов в тексте отдельных биографий. В самом деле, если бы Какхун во время работы над ХКЧ постоянно наводил справки в ДТ ГСЧ, ему было бы гораздо удобнее следовать порядку изложения, принятому в оригинале.

Трудно сказать, подозревал ли Какхун о том, что память могла сыграть с ним такую злую шутку, и намеревался ли он впоследствии сверить с первоисточниками текст ХКЧ. Поскольку нам известно, что автор ХКЧ скончался вскоре после завершения своего труда³¹, мы можем предположить, что он просто не успел окончательно отредактировать свое сочинение.

Помимо упомянутых выше эпизодов, Какхун также исключил из биографии Ариябалмы довольно большой фрагмент, в котором давалась этимология санскритского названия Кореи (Куккутешвара, то есть [Страна, где] почитается петух). Мотивировка Какхуна здесь более чем понятна — образованного корейского читателя, хорошо знающего историю своей страны, едва ли могло заинтересовать многословное рассуждение И-цзина о существовании в древней Корее культа петуха.

* * *

Сопоставив семь пар коррелирующих биографий ХКЧ и ДТ ГСЧ, перейдем к анализу восьмой пары, посвященной монаху по имени Хёнчжо (Сюань-чжао)³². Специ-

²⁹ Трудно удержаться от того, чтобы не привести здесь в качестве иллюстрации небольшой психологический эпизод из сочинения корейского ученого Пак Чивона 朴趾源 (1737–1805) «Биография почтенного Мина» 閔翁傳 (в рус. пер. — «Воспоминания о насмешнике Мин Юсине»). Герой этого произведения предлагает автору развлечься следующим пари: «Давайте возьмем каждый по книге, прочтем ее раза два-три и попробуем потом пересказать слово в слово. Кто ошибется хотя бы в одном знаке, тот заплатит штраф». Был ли удивлен этим предложением Пак Чивон, счел ли он поставленную перед ним задачу абсурдной и невыполнимой? Отнюдь нет. «Изнывая от скуки, я подумал, что это может позабавить меня, и согласился. К тому же я ничуть не сомневался в своих способностях, а Мина заподозрил в заурядном хвастовстве» (цит. по: История цветов. Корейская классическая проза. Сост. и предисл. А. Ф. Троцевич, коммент. Д. Д. Елисеева и Л. Н. Меньшикова. Л., 1991. С. 574).

³⁰ Можно предположить, что тенденция ассоциировать факт с его словесным оформлением была особенно сильна именно в Корее, поскольку китайский язык (на котором писались все книги серьезного содержания) не был родным для корейских ученых, и поэтому они волей-неволей должны были уделять особое внимание способу языкового выражения содержащейся в тексте информации.

³¹ См.: Хэдон косын чон. Сеул, 1975. С. 5.

³² «Хёнчжо» и «Сюань-чжао» — корейское и китайское чтения одного и того же имени, пишущегося иероглифами 玄照.

фика ее заключается в том, что, кроме имени главного героя, между «китайской» и «корейской» версиями этого жизнеописания нет решительно ничего общего:

ДТ ГСЧ

Наставник Закона монах-шрамана Сюань-чжао был уроженцем [уезда] Сянь-чжан, [что в округе] Тай-чжоу.

〈*Следует весьма подробное — свыше 750 иероглифов — повествование о паломничестве Сюань-чжао в Индию*〉.

Пребывая в Центральной Индии, в стране Амаравати, [он] заболел и скончался. Возраст [его составлял] около шестидесяти [лет]. 〈...〉

ХКЧ

Хёнчжо тоже был благородным ученым из Силла.

[Его биография, будучи] одного свойства с [биографией Хён]гака, от начала [и] до конца совершенно совпадает [с нею].

[Я] не знаю обстоятельств кончины [Хёнчжо].

Естественно напрашивающееся предположение, что в этих жизнеописаниях повествуется о двух разных людях, опровергается тем, что персонаж с именем Хёнчжо (Сюань-чжао) упоминается в других биографиях обоих памятников в практически идентичных контекстах:

ДТ ГСЧ

—

Отправившись [на запад] вместе с наставником Закона Сюань-чжао в годы [правления под девизом] Чжэньгуань, [он] прибыл в [монастырь] Великого пробуждения (*Жизнеописание Хёнгака*).

Получив повеление, [он] отправился на запад, следуя за наставником Сюань-чжао в качестве служителя (*Жизнеописание Херюна*).

ХКЧ

В это время достойный <...> Хеоп жил в монастыре Бодхи, [а монахи] Хёнгак и Хёнчжо прибыли в монастырь Великого просветления. Все эти четыре вышеупомянутых человека совершили свое путешествие [в Индию] в годы [правления под девизом] Чжэньгуань (*Жизнеописание Ариябальмы*).

Затем, отправившись [на запад] вместе с наставником Закона Хёнчжо, [Хёнгак] прибыл в западноиндийский монастырь Великого пробуждения (*Жизнеописание Хёнгака*).

Получив повеление, [он] отправился на запад, следуя за наставником Закона Хёнчжо [в качестве] служителя (*Жизнеописание Херюна*).

Также приходится отбросить гипотезу о том, что здесь мы сталкиваемся с осознанной подтасовкой фактов со стороны автора ХКЧ, поскольку Какхун, несомненно, должен был бы прекрасно понимать, что подобный грубый подлог слишком легко мог быть раскрыт любым читателем, взявшим на себя труд ознакомиться с текстом ДТ ГСЧ (на который, между прочим, трижды ссылается в своем произведении сам Какхун, даже указывая «выходные данные» издания, которым он пользовался³³).

³³ В жизнеописании Хёнью Какхун сообщает, что он наткнулся на сочинение И-цзина, когда «как-то раз просматривал Трипитаку». Несомненно, имеется в виду первое издание корёской Трипитаки, работа над которым была начата при государе Хёнчжоне 顯宗 (1009–1031) и окончена при государе Мунчжоне 文宗 (1046–1083). Печатные доски этого издания не сохранились.

Итак, остается заключить, что мы имеем здесь дело с непреднамеренной ошибкой корейского автора. Ее возникновение проще всего будет объяснить с помощью уже высказанной нами гипотезы о том, что создатель ХКЧ во время работы над своим произведением не имел под рукой текста первоисточника. Можно предположить, что Какхун, пересказав жизнеописания первых четырех корейских паломников, обратил внимание на то, что рядом с именами двух³⁴ из них постоянно упоминается имя некоего наставника Хёнчжо. Сочтя само собой разумеющимся, что этот паломник тоже был силласцем, корейский автор спохватился, что не включил в свое произведение его биографию, и принялся вспоминать, есть ли в ДТ ГСЧ жизнеописание этого монаха. Эта весьма объемистая биография, однако, начисто выпала из памяти Какхуна — возможно, по той причине, что, когда автор ХКЧ штудировал сочинение И-цзина в поисках сведений о корейских монахах, он, судя по всему, просто не обратил внимания на это жизнеописание и не запомнил имени его героя, так как из первых же строк явствовало, что тот был китайцем, а не корейцем. (Добавим, что совсем не заметить биографии Сюань-чжао Какхун не мог хотя бы потому, что она стоит в ДТ ГСЧ самой первой. О том, что корейский автор просмотрел текст интересующего нас жизнеописания и воспользовался его материалами для работы над другими биографиями своего произведения, косвенным образом свидетельствует и появление описания одного из подвигов Сюань-чжао — восхождения на Гималаи — в жизнеописании Хеопы.)

Надо отдать должное добросовестности Какхуна как историка: так и не вспомнив биографических данных Хёнчжо, автор ХКЧ не стал домысливать их³⁵. Вся информация, содержащаяся в жизнеописании этого персонажа, сводится к указанию на очевидное для Какхуна место рождения героя, а также на сходство биографии Хёнчжо с таковой Хёнгака (данная экстраполяция была навеяна, скорее всего, имеющимся в жизнеописании Хёнгака упоминанием о том, что Хёнчжо был спутником этого монаха во время его паломничества в Индию). Далее этого Какхун в своей реконструкции не заходит и даже не указывает, был ли его герой монахом или мирянином — термин «благородный ученый» мог относиться к любому выдающемуся человеку³⁶. И наконец, автор ХКЧ честно признается, что он не располагает никакими сведениями об обстоятельствах смерти своего героя.

* * *

Окончив на этом сопоставление текстов ХКЧ и ДТ ГСЧ, мы можем ответить на вопросы, побудившие нас взяться за наше исследование:

- 1) Можно ли считать ХКЧ достоверным историческим источником?
- 2) Какие поправки на «авторский элемент» следует делать при работе с этим памятником?

Как мы уже убедились, на первый вопрос вполне можно ответить утвердительно. Чистый вымысел в произведении Какхуна почти отсутствует, а те дополнения, которые корейский автор все же внес в свое сочинение, основаны на вполне логичных умозаключениях и экстраполяциях. Кроме того, вычлененные нами путем сличения параллельных текстов жизнеописаний авторские вставки Какхуна оказались настоль-

³⁴ Даже трех, если учесть сделанную самим Какхуном вставку в жизнеописание Ариябальмы, в которой говорится о том, что этот монах отправился в Индию одновременно с Хеопом, Хёнгаком и Хёнчжо. Между прочим, Какхун настолько тесно ассоциирует между собой этих паломников, что присваивает им общее название «четырех вышеупомянутых людей».

³⁵ Хотя он вполне бы мог дать здесь волю своему воображению — нельзя забывать, что Какхун был не только ученым-историком, но и известным поэтом.

³⁶ См.: Пульгё тэсачжон 佛敎大辭典. 編者吉祥 (Буддийская энциклопедия. Авт. Кильсан). Сеул, 2001. С. 125.

ко своеобразными как по стилистике³⁷, так и по содержанию³⁸, что мы при необходимости можем с достаточной долей вероятности идентифицировать подобные интерполяции и в других биографиях ХКЧ. Что касается отмеченной нами выше тенденции к опущению сложных для восприятия фрагментов исходного текста, наблюдающейся в рассмотренных нами жизнеописаниях ХКЧ, то, как нам представляется, она не должна быть так ощутима в других биографиях этого памятника, действие которых происходит на земле Кореи, среди хорошо знакомых автору ХКЧ реалий. Итак, вмешательство Какхуна в исходный текст весьма незначительно снижает степень достоверности его работы и не умаляет значения ХКЧ как уникального исторического источника, изучение которого совершенно необходимо для любого серьезно исследователя раннесредневековой истории Кореи.

Биографии корейских монахов-паломников в «Жизнеописаниях достойных монахов Страны, что к востоку от моря»

Текст³⁹

[Ариябальма]

釋阿離耶跋摩。神智獨悟。形貌異倫。始自新羅入于中國。尋師請益。無遠不參。瞰憩冥壑。凌臨諸天。非惟規範當時。亦欲陶津來世。志切遊觀。不殫遊逸。遂求法於西竺。乃遐登於葱嶺。搜奇討勝。歷見聖蹤。夙願已圓。資糧時絕。乃止那爛陀寺未幾終焉。是時高口專業住菩提寺。玄恪。玄照。至大覺寺。此上四人竝於貞觀年中有此行也。共植勝因。聿豐釋種。遙謝舊域。往見竺風。騰茂譽於東西。垂鴻休於罔極。非大心上輩。其何預此乎。按年譜似與玄奘三藏同發指西國。但不知第何年耳

[Хеоп]

釋惠業。器局冲深。氣度凝深。嶸巖容儀。戍削風骨。直辭邊壤。遽入中華。遂於貞觀年中往遊西域。涉流沙之廣漠。登雪嶺之巖岑。每以清暉啓曙。卽潛伏幽林。皓月淪霄。乃崩波永路。輕生徇法。志切宣通。遂往菩提寺。觀禮聖蹤。又於那爛陀寺。寄跡棲眞久之請讀淨名經。因檢唐本。淹通綸貫。梁論下記云。在佛齒樹下。新羅僧惠業寫記。傳云。業終于是寺。年將六十餘矣。所寫梵本竝在那爛陀寺焉

³⁷ Для языка Какхуна, как мы помним, характерны сложная лексика, широкое использование скрытых цитат, а также очень частое обращение к стилистическому приему параллелизма.

³⁸ Как уже отмечалось, Какхун добавлял в исходный текст преимущественно яркие детализированные описания, предназначенные для подчеркивания выдающихся качеств героя.

³⁹ Публикуемые здесь тексты параллельных жизнеописаний паломников приводятся по тексту ТСД. Дословно совпадающие отрывки маркированы следующим образом: простыми надстрочными точками (в китайском тексте) или одной подстрочной чертой (в переводе) выделены фрагменты, взаимное расположение которых в жизнеописании не изменилось; надстрочными точками в виде кружков (в китайском тексте) или двумя подстрочными чертами (в переводе) отмечены фрагменты, которые подверглись перемещению на другое место в пределах одного и того же жизнеописания.

[Херюн]

釋惠輪。新羅人。梵名般若跋摩唐云惠中自本國出家。翹心聖境。泛舶而凌嶼越。涉步而屆長安。寒暑備受。艱危罄盡。奉勅隨玄照法師西行充侍。飛梯架險。既至西函。遍禮奇蹤。寓居菴摩羅波國信者寺淹住十載。近住次東邊。犍陀羅山茶寺貨產豐饒。供養浪設。餘莫加也。其北方胡僧往來者。皆住此寺。蜂屯雲集。各修法門。輪既善梵言。薄閑俱全。來日尚在。年向四十矣。具如義淨三藏求法高僧傳中

[Хёнгак]

釋玄恪。新羅人。嶷然孤硬。具大知見。性喜講說赴感隨機。時人指爲火中芙蓉也。常歎受生邊地。未覩中華。聞風而悅。木道乃屆。覿目東圻。遂含西笑。心慚中畫。志要歷參。比猶月行。午夜任運而轉。或層岩四合。鳥道雲齊。或連水千里。風行雲臥。遂與玄照法師相隨至西乾大覺寺。遊滿焰之路。賞無影之邦。負笈精研。琢玉成器。年過不惑。遇疾乃亡

[Хёнчжо]

玄照者亦新羅之高士也。與恪同科始終一揆。未詳所卒

[Два безымянных монаха]

復有新羅僧二人。莫知其名。發自長安。泛泊至室利佛逝國遇疾俱亡

[Хёнью]

釋玄遊。句高麗人。叶性虛融。稟質溫雅。意存二利。志重詢求。乘盃泝流。考室幽壑。入唐禮事僧哲禪師。搥衣稟旨。哲思慕聖蹤。泛舶西域。適化隨緣。巡禮略周。歸東印道。遊常隨附鳳。因住於彼。慧炬夙明。禪枝早茂。窮涯盈量虛往實歸。誠佛家之棟樑。實僧徒之領袖。既而舟壑潛移。悼陵谷之遷質。居諸易脫。惻人世之難常。薪盡火滅。復何可追。義淨三藏嘉爾幼年慕法情堅。既虔誠於東夏。復請益於西天。重指神洲。爲物淹留。傳十法而弘法。竟千秋而不秋。雖捐軀異域。未返舊都。彼之功名落落如此。安得不掛名竹帛以示將來。遂著求法高僧傳。予偶覽大藏。閱至於斯。志深嚮慕。遂抽繹而書之

[Хёндэ]

釋玄人。見。新羅人。法名薩婆慎苦。提婆唐言一切智天童稚深沈。有大人相。不茹葷。不□□□□□□□□□也。嘗泛舶如唐。學問靡常。闡窮窮微。高宗永徽中。遂往中印度。禮善提樹。如師子遊行。不求伴侶。振五樓之金策。望三道之寶階。其所遠慕艱危歷覽風土。亦未能盡導。便向大覺寺掛錫。詳檢經論。備省方俗。後還震旦敷宣法化。玄績乃著。巍々乎其成功矣

[Славословие]

贊曰。此上數人邈若青微。徑入中華。追法顯。玄奘之逸跡。揭來絕域。視如里巷。比之奉使張騫蘇武之類乎

Перевод

[Ариябальма]

[Обладая] чудесной мудростью, Сок⁴⁰ Ариябальма⁴¹ самостоятельно прозрел [истину]. [Его] внешний облик был не такой, как у обычных [людей]. Вначале [он] из Силла пришел в Китай. [Он] искал учителей [и] просил о милости, [и] не было [таких] далеких [мест], [которые бы он] не посетил. Опуская взор, [он] проникал в глубокие бездны; возвышая взор, [он] видел [обители] всех божеств. [Ариябальма] не только стал образцом для тех времен, но и хотел просветить [и] переправить [к берегу нирваны] грядущие поколения. [Он] твердо решил пуститься в путь, увидеть [родину буддизма и] без усталости странствовать по далеким [краям]. Отправившись искать Закон в Западную Индию, [Ариябальма] затем взошел ввысь на Памир. [Он] разыскивал чудесное [и] интересовался памятниками старины. Во время [своего путешествия он] видел следы совершенномудро⁴². Давняя мечта [Ариябальмы] уже осуществилась, [а] средства [и] припасы [к тому] времени иссякли. Тогда [он] поселился в монастыре Наланда⁴³ [и] вскоре там скончался.

В это время достойный <...>⁴⁴ Хеоп⁴⁵ жил в монастыре Бодхи⁴⁶, [а монахи] Хёнгак и Хёнчжо прибыли в монастырь Великого просветления⁴⁷. Все эти четыре вышеупомянутых человека совершили свое путешествие [в Индию] в годы [правления под девизом] Чжэнь-гуань [627–649]. [Эти монахи] сообща заложили основы успеха [следовавших по их стопам паломников и] вместе взрастили семена буддийского [учения]. Скитаясь, [они] покинули родные пределы [и], странствуя, наблюдали индийские обычаи. [Они] обрели добрую славу на востоке [и] западе [и] ниспослали великое счастье беспредельным [поколениям потомков]. [Если бы] не [их] великие стремления [и] высокие качества, как бы они справились с таким [делом]?

Судя по датам, [эти монахи], вероятно, отправились в западные страны в одно и то же [время] со [знатоком] Трипитаки⁴⁸ Сюань-цзаном⁴⁹, только [я] не знаю, [в] каком по счету году.

⁴⁰ Сок 釋 — первый слог китайской транскрипции родового имени Шакья, которое носил исторический будда Сиддхартха Гаутама. В традиции китайского, а затем и корейского буддизма этот иероглиф употреблялся в качестве общей фамилии всех членов монашеской общины.

⁴¹ В ТСД предлагается реконструкция «Арьяварман» (ТСД. Т. 50, 1022, примеч. 2), но, поскольку этот монах был корейцем по происхождению, здесь и далее мы сохраняем корейское произношение его санскритского имени.

⁴² То есть Будды. В первые века существования буддийского учения его последователи не изготавливали изображений Будды, но высекали на камне отпечатки его стоп, которые и служили объектом поклонения мирян.

⁴³ Наланда — монастырь, основанный в Северной Индии в начале V в.; в последующие столетия был крупнейшим центром буддийской учености, привлекавшим монахов из многих стран.

⁴⁴ В тексте лакуна в один иероглиф. В комментарии к тексту ХКЧ, помещенному в ТСД, предлагается реконструкция 僧 («монах») (ТСД. Т. 50, 1022, примеч. 4).

⁴⁵ В этом месте текста он назван Чоноп 專業, очевидно ошибочно.

⁴⁶ Это название прилагалось ко многим монастырям (см.: *Soothill W. and Hodous L. A Dictionary of Chinese Buddhist Terms*. Taipei, 1998. P. 388), и поэтому установление точного местоположения упоминаемого здесь храма едва ли возможно.

⁴⁷ Имеется в виду обитель, расположенная в Бодхгае (на месте просветления Будды). Санскритское название этого монастыря — Махабодхи-сангхарама (См.: Да Тан си юй шо фа гао сэн чжуань цзяо чжу. 大唐西域求法高僧傳校注. 義淨著. 王邦維校注 (Жизнеописание достойных монахов Великой Тан, искавших Закон в западных пределах. Сверенный [текст] с пояснениями. Авт. И-цзин. Сост. коммент. Ван Бан-вэй). Пекин, 1988. С. 20, коммент. 22).

⁴⁸ [Знатоки] Трипитаки (三藏) — почетный титул монаха, сведущего во всех разделах буддийского канона (см.: Пульгё тэсачжон. С. 1219).

⁴⁹ Сюань-цзан — знаменитый китайский паломник. Родился в 600 г. и в двенадцатилетнем возрасте постригся в монахи. В 629 г. отправился в Индию, где обучался в монастыре Наланда. В 645 г. вернулся

[Хеоп]

Способности Сок Хеопа [были] высоки [и] глубоки, [а] характер — упорен [и] серьезен. [Хеоп обладал величественной, словно] утес, внешностью [и] безупречными манерами.

Решительно покинув [родные] окраинные земли, [Хеоп] без задержки прибыл в Китай. Затем в годы [правления под девизом] Чжэнь-гуань [он] отправился в Западный край. [Хеоп] пересекал широкие пустыни с сыпучими песками [и] взбирался на высокие горы с заснеженными вершинами⁵⁰. Каждый раз, лишь только чистый блеск [солнечных лучей] возвещал о [наступлении] рассвета, [Хеоп] скрывался [и] ложился [отдыхать] в темном лесу, [а] когда ясная луна [знаменовала] погружение [мира] в ночь, [этот монах] преодолевал [препятствия] на бесконечной дороге. Не дорожа [своей] жизнью, [Хеоп стремился] обрести Закон, твердо решив повсеместно распространять [буддийское учение]. После [прибытия в Индию он] посетил монастырь Бодхи, [где] видел следы совершенномудрого [и] поклонился [им]. Затем [он] поселился у чудесных следов в монастыре Наланда. Весьма долго пробыв там, [он] попросил [разрешения] прочитать «Вималакирти-[нирдеша]-сутру»⁵¹ [и], руководствуясь [санскритским оригиналом], проверил китайский текст [этой книги], глубоко проникнув в [ее] сокрытый смысл⁵². В заключительных строках «Лянской [Сампариграха]-шастры»⁵³ говорится: «[Этот] текст скопировал силлакий монах Хеоп под деревом зуба Будды»⁵⁴. В «Жизнеописаниях [достойных монахов Великой Тан, искавших Закон в западных пределах]» сообщается: «[Хе]оп скончался в этом монастыре. Возраст [его] близился примерно к шестидесяти [годам]. Все переписанные [им] санскритские книги находятся в монастыре Наланда».

[Херюн]

Сок Херюн [был] уроженцем Силла. Санскритское имя [его было] Праджняварман (по-китайски [это] значит «Доспехи милости»⁵⁵). С [тех пор как он] стал монахом в своей стране, [Херюн] неотступно думал о священных местах [Индии]. Плывая на корабле, [он] миновал [земли] минь [и] юэ⁵⁶ [и], следуя пешком [путем], прибыл

в Чаньянь 長安, привезя с собой много буддийских текстов. Остаток своей жизни посвятил переводческой деятельности. Скончался в 664 г. Автор сочинения «Записки [о путешествии] из Великой Тан в западные пределы» 大唐西域記, являющегося ценным историческим источником.

⁵⁰ В тексте 雪嶺, что может также значить «Гималаи». Наш выбор варианта перевода обусловлен желанием сохранить исходный параллелизм: «сыпучие пески» — «заснеженные вершины».

⁵¹ «Вималакирти-нирдеша-сутра» принадлежит к числу основополагающих текстов ранней Махаяны. В лице ее героя — мудрого мирянина Вималакирти — создан идеальный образ «бодхисаттвы в миру». Текст этой сутры впервые переведен на китайский язык Кумарадживой 鳩摩羅什 в 405 г. О влиянии идей «Вималакирти-нирдеша-сутры» на доктринальный комплекс дальневосточной Махаяны см.: Дюмулен Г. История Дзэн-буддизма. Индия и Китай. СПб., 1994. С. 62–64.

⁵² Букв. «нити и шнуры» (綸貫).

⁵³ Смысл трактата буддийского философа Асанги 無著 «Махаяна-сампариграха-шастра» 攝大乘論 был расшифрован его сподвижником Васубандху 世親 и другими авторами в целой серии трактатов, которые сложились в пять «Сампариграха-шастр» 五攝論. Лянская «Сампариграха-шастра» — одна из них (см.: Пульгё тэсачжон. С. 1691, 1808).

⁵⁴ На санскрите это дерево именуется *дантакашита* (см.: Да Тан си юй шо фа. Пекин, 1988. С. 42, коммент. 2), что означает «веточка, употребляемая для чистки зубов», а также «дерево, которое выросло из зубочистки Будды» (см.: *Soothill W. and Hodous L. A Dictionary*. P. 432).

⁵⁵ Правильнее было бы вместо иероглифа 慧 («милость») читать здесь часто чередующийся с ним в собственных именах иероглиф 慧 («мудрость»), поскольку санскритское имя «Праджняварман» означает именно «Доспехи мудрости».

⁵⁶ *Минь* и *юэ* — народности, обитающие в Южном Китае.

в Чаньянь. [В пути он] встал испытать холод [и] жару, [а также] полной [мерой] изведать опасности [и] трудности. Получив повеление, [он] отправился на запад, следуя за наставником Закона⁵⁷ Хёнчжо [в качестве] служителя. Используя лестницы, [они] наводили [переправы через] пропасти. По прибытии в западные страны [Херюн и Хёнчжо] повсюду поклонялись чудесным следам. Остановившись на жительство в государстве Амаравати⁵⁸, в монастыре Чинча⁵⁹, [они] задержались [там и] прожили [в тех краях] десять лет. Проведя [это время] поблизости [от святынь этого монастыря], [они] переселились в монастырь Гандхарачанда⁶⁰, [находившийся] на восточной окраине [Индии]. Достояние [этого монастыря] было велико, [а] подносимые [мирянами] пища [и] утварь [таковы, что] не [приходилось желать] лучшего. Поэтому все пришедшие [в Индию] из северных краев монахи [родом из] инopleмненникову селились в этом монастыре. [Они] роились, [словно] пчелы, и клубились, [подобно] облакам. Каждый [из них] постигал буддийское учение. [Херюн уже хорошо владел санскритом [и] подробно изучил «[Абхидхарма]-коша-[шастру]»⁶¹. В день прихода [И-цзин он] еще жил [в том монастыре]. Возраст [его] близился к сорока [годам]. [Приведенная здесь его биография] полностью соответствует [той, что находится] в [составленных знатоком] Трипитаки И-цзином «Жизнеописаниях достойных монахов [Великой Тан], искавших Закон [в западных пределах]».

[Хёнгак]

Сок Хёнгак [был] уроженцем Силла. [Он отличался] умом, самостоятельностью [и] упорством, а также обширными познаниями [и] великой проницательностью. По характеру [своему] любя толкование [и] разъяснение [буддийских текстов], [он] следовал чувствам [своих слушателей и] учитывал [уровень их] способностей. Современники называли [его] «лотосом среди пламени». [Он] всегда вздыхал о [том, что] родился в окраинных землях. Еще не видав Китая, [Хёнгак] радовался, слыша вести [о нем]. [Следуя] водным путем⁶², [он] достиг [Китая]. Глядя вдаль на [покинутые им] восточные рубежи, [Хёнгак] таил [в душе] «улыбку о западе»⁶³. В сердце стыдась

⁵⁷ «Наставник Закона» (法師) — почетное звание высокодобродетельного проповедника буддийского учения. В Корее этот титул прилагался преимущественно к монахам, передававшим своим последователям традицию той или иной школы буддизма (см.: Пульгё сачжон 佛教辭典. 耘虛龍夏著 (Буддийский словарь. Авт. Унхо Ёнха). Сеул, 1998. С. 273).

⁵⁸ Страна Амаравати располагалась на восточном побережье Индии, в долине реки Кистна (см.: Буккё: дайджитэн 佛教大辭典. 望月信享著 (Большой буддийский словарь. Авт. Мотидзуки Нобунага). Т. 1–10. Токио, 1960–1963. Т. 1. С. 62).

⁵⁹ Эта реконструкция названия монастыря приводится в ТСД (ТСД, Т. 50, 1022, примеч. 10). Китайский исследователь Ван Бан-вэй, автор комментированного издания «Жизнеописаний достойных монахов Великой Тан, искавших Закон в западных пределах», предлагает вариант «Синджа» (см.: Да Тан си юй цю фа. Пекин, 1988. С. 24, коммент. 34).

⁶⁰ В восстановлении санскритского звучания этого топонима мы следуем мнению американского исследователя Питера Ли, автора английского перевода «Жизнеописаний достойных монахов Страны, что к востоку от моря», который считает сочетание иероглифов 健陀羅山茶寺 транскрипцией единого санскритского топонима «Гандхарачанда» (см.: Lives of Eminent Korean Monks. P. 92). В ТСД, однако, транскрипцией санскритского топонима признается лишь компонент 健陀羅 (Гандхара — название государства в Индии), в то время как 山茶寺, очевидно, предлагается считать смысловым переводом на китайский язык названия монастыря (ТСД, Т. 50, 1022, примеч. 11).

⁶¹ «Абхидхарма-коша-шастра» — трактат буддийского философа Васубандху 世親, содержащий изложение теории дхарм — элементов, из которых, по учению буддизма, складывается все сущее (см.: Пульгё тэсачжон. С. 1633).

⁶² В оригинале «деревянный путь» (木道). Мы присоединяемся к мнению Питера Ли, который предполагает, что здесь следует читать 水道 (см.: Lives of Eminent Korean Monks. P. 93, примеч. 471).

⁶³ Питер Ли указывает, что выражение «улыбка о западе» (西笑) восходит к следующему фрагменту «Нового рассуждения» 新論 ханьского ученого Хуань Тяня 桓譚: «[Некий] человек услышал, что Чаньянь — радостное [место], и тогда вышел за ворота, повернулся к западу (т.е. в сторону Чаньяни. — Ю.Б.) и стал смеяться» (人間長安樂。則出門西向相笑) (см.: Lives of Eminent Korean Monks. P. 93, примеч. 472).

[того, что уже вступил] в зенит [жизненного пути], [он] задался целью повсюду посещать [выдающихся наставников]. Подобно [тому как] луна движется [по небосводу], [Хёнгак] шел днем [и] ночью, полагаясь на судьбу. Временами громоздящиеся скалы смыкались с четырех [сторон] — [тогда он следовал] путям птиц вровень с облаками. Временами сплошные льды [простирались] на тысячу *ли*⁶⁴ — [тогда он] шел [подобно] ветру [и] отдыхал [подобно] облаку. Затем, отправившись [на запад] вместе с наставником Закона Хёнчжо, [Хёнгак] прибыл в западноиндийский монастырь Великого пробуждения. [Он] странствовал по дорогам, полным жара, и хвалил край, [где] не было тени⁶⁵. Нося за спиной ящик с книгами, [Хёнгак] усердно учился — [словно] шлифовал нефрит, [чтобы] изготовить сосуд. Возраст [его] перевалил [рубеж, когда] «не [остается] сомнений»⁶⁶, [и Хёнгак] заболел и умер.

[Хёнчжо]

Хёнчжо тоже был благородным ученым из Силла. [Его биография, будучи] одного свойства с [биографией Хён]гака, от начала [и] до конца совершенно совпадает [с нею]. [Я] не знаю обстоятельств кончины [Хёнчжо].

[Два безымянных монаха]

Еще были два силласких монаха — [я] не знаю их имен. Отправившись из Чанъ-ани, [они] поплыли [на юг и] достигли страны Шрибуджа⁶⁷, [где] заболели [и] оба умерли.

[Хёнью]

Сок Хёнью [был] уроженцем Когурё. Миротворительный [по своему] характеру, [он был] скромнен [и] дружелюбен; одаренный [по своей] натуре, [он был] приветлив [и] благороден. Помыслы [Хёнью] направлялись к двум пользам⁶⁸, [а] воля сосредоточивалась на настойчивых поисках [истины]. [Ради достижения своей цели он был способен] сесть в чашку и плыть против течения [или] построить жилище в глубокой пропасти. По прибытии в Тан [он] с почтением учился у наставника созерцания⁶⁹ Сэн-чжэ. Принимая [его] наставления, [Хёнью всякий раз] подбирал [в знак уважения полы] платья. Мысли [Сэн]-чжэ⁷⁰ стремились к следам совершенномудрого,

⁶⁴ *Ли* (里) — корейская мера длины, в наши дни составляющая около 400 м.

⁶⁵ То есть Индию, где солнце стоит в зените.

⁶⁶ То есть сорокалетний возраст. Выражение восходит к известному фрагменту из «Бесед и суждений» 論語, где Конфуций говорит о себе: «В пятнадцать лет мои помыслы устремились к учению. В тридцать лет я закончил свое становление. Когда мне исполнилось сорок лет, я освободился от заблуждений. В пятьдесят лет я познал веление Неба, [свою судьбу], а в шестьдесят — научился следовать [этому велению]. В семьдесят лет я уже мог прислушиваться к желаниям своего сердца, не нарушая при этом установленных норм» (цит. по: Мартынов А.С. Конфуцианство. «Лунь юй». Пер. А.С. Мартынова. Т. 1–2. СПб., 2001. Т. 2. С. 217).

⁶⁷ Реконструкция санскритского звучания этого топонима дана по: ТСД. Т. 50, 1022, примеч. 13. Страна Шрибуджа находилась на восточном побережье о-ва Суматра, в устье р. Муси (см.: Да Тан си юй цю фа. Пекин, 1988. Приложение 1).

⁶⁸ Имеются в виду польза для себя (自利, санскр. *атма-хита*) и польза для других (利他, санскр. *пара-хита*) — две стороны практики бодхисаттвы, который обретает просветление и благодаря этому получает возможность помогать всем живым существам (см.: Пульгё тэсачжон. С. 2054).

⁶⁹ Титул «наставник созерцания» (禪師) жаловался китайскими императорами высокодобродетельным монахам, а также использовался (преимущественно в школе Чань) в качестве почтительного обращения к монахам старшего поколения (см.: Пульгё сачжон. С. 454–455).

⁷⁰ В выражении 哲思 («помыслы [Сэн]-чжэ») первый иероглиф можно интерпретировать и по его прямому значению — «глубокий». Тогда данное словосочетание будет переводиться как «глубокие помыслы».

[и поэтому он] отплыл на корабле в Западный край. Проповедуя [буддийское учение], [он] следовал [благоприятным] обстоятельствам. Посещая [священные места и] поклоняясь [им], [он] обошел всю [страну]. [Затем он] отправился в Восточную Индию. [Хёнь]ю постоянно следовал за фениксом⁷¹ [и] поэтому [тоже] поселился там. [Его] мудрость была образцовой [и] рано просиявшей, [а] сосредоточение — всеобъемлющим [и] быстро [достигшим] совершенства. [Он] исчерпал пределы [буддийского учения и] усвоил [его во всей] полноте. Уходя пустым, [он] возвращался полным [знаний]. Воистину, [он служил] опорой⁷² буддизма; несомненно, [он был] главой⁷³ монашества. [Но] миновало [время], и «лодка, [спрятанная в] ущелье»⁷⁴, незаметно переместилась⁷⁵. [Достоин]о скорби [то, что даже] холмы [и] долины меняют [свой] облик [по мере того, как] чередой проходят дни [и] месяцы. Печально [то, что] мир людей непостоянен — [так, когда] сгорают хворост, угасает [и] огонь. Как можно повернуть [время] вспять?!

[Знаток] Трипитаки И-цзин хвалит [Хёнью] за то, что воля [того] к обретению [буддийского] Закона была тверда [с] юных лет. [Хёнью] сперва [проявил] почтительность [и] искренность в Китае, [а] затем просил о милости в Индии. Не раз порываясь [вернуться] в Китай, [Хёнью] ради [живых] существ задержался [в Индии]. Передавая десять учений⁷⁶, [он] распространял Закон. [Даже] через тысячу осеней [его слава останется] неуязвимой. Хотя [он] пожертвовал собой в чужих краях [и] так и не вернулся в родную столицу, его заслуги [и] известность обширны настолько, [что не ясно], почему случилось так, что не записали [его] имя на бамбуке [или] шелке, чтобы сделать [его деяния] известными потомкам. Поэтому [И-цзин] составил «Жизнеописания достойных монахов [Великой Тан], искавших Закон [в западных пределах]». Я как-то раз просматривал Трипитаку. Листая [ее], [я] дошел до этого [места]. Преисполнившись глубокого восхищения, [я] тогда выборочно разобрал [соответствующий отрывок] и составил это [жизнеописание].

[Хёндэ]

Сок Хёндэ [был] уроженцем Силла. [Его] санскритское⁷⁷ монашеское имя — Сарваджня-дэва (по-китайски [это] значит «Всеведущее божество»). [Хёндэ с] детства [отличался] глубиной [ума]. [Он] обладал признаками великого человека⁷⁸, не

⁷¹ То есть за своим учителем.

⁷² Букв. «балками и стропилами» (棟樑).

⁷³ Букв. «воротником и рукавами» (領袖).

⁷⁴ Выражение «лодка, [спрятанная в] ущелье», точнее — «лодка [и] ущелье» (舟壑), восходит к трактату «Чжуан-цзы» 莊子, где оно употреблено для выражения идеи непостоянства сущего: даже надежно, казалось бы, укрытая в ущелье лодка может быть похищена (см.: Большой китайско-русский словарь. Т. 1–4. М., 1983–1984. Т. 3. С. 344).

⁷⁵ То есть прошли годы, и Хёнью мало-помалу состарился.

⁷⁶ «Десять учений» (十法) — десять видов практики, упоминаемых в «Сутре о десяти учениях Махаяны» 大乘十法經: правильная вера; практика; побуждения; стремление к просветлению; радость встречи с Законом; радость постижения истинного Закона; осуществление истинного Закона; следование истинному Закону; уничтожение гордыни и других недостатков характера; постижение тайных речений. См.: Soothill W. and Hodous L. A Dictionary. P. 51; Пульгё тэсачжон. С. 1572–1573.

⁷⁷ Иероглиф 梵 («санскрит») в тексте ошибочно помещен перед словом «Силла».

⁷⁸ Признаки великого человека (大人相, иначе 三十二相; санскр. *дватримши-махатуруша-лакшанани*) — тридцать две особенности внешнего облика, которыми будды и цари-миродержцы отличаются от простых людей. В число этих признаков входят, например, полукруглый выступ на макушке, пучок белых волос между бровей, сорок зубов во рту, золотистая кожа, длинные пальцы и пр. (полное перечисление см.: Пульгё тэсачжон. С. 1207–1208).

вкусал скоромного⁷⁹ [и] не <...>⁸⁰. Плывая на корабле, [он] прибыл в Тан. [Его] ученость [была] необычайной. [Он] проявил глубины [буддийской философии и] разобрался [в ее] тонкостях. В [годы правления танского] Гао-цзуна [под девизом] Юн-хуэй [650–655] [Хэндэ] отправился в Центральную Индию. [Он] поклонился [там] дереву бодхи⁸¹. Скитаясь, подобно льву, [он] не искал [себе] спутников [и] потрясал металлическим посохом с пятью наверхами. [Хэндэ] видел драгоценные ступени трех путей⁸². Он отгонял [от себя] мысли о трудностях [и] опасностях [пути]. Пройдя [всю страну], [он] наблюдал [местные] условия. Не в силах исчерпать наставления⁸³, [которые он получал от индийских ученых], [он] тогда направился в монастырь Великого пробуждения, [где и] повесил посох⁸⁴. [Он] тщательно штудировал сутры [и] шастры, [а также] старательно изучал местные обычаи. Затем [он] вернулся в Китай [и] повсюду распространял преображающую [силу] Закона. Чудесные подвиги [Хэндэ] были записаны [потомками]. О, как неизмеримы его заслуги!

[Славословие]

Славословие гласит:

«Эти несколько человек, [о которых говорилось] выше, далеки, подобно голубой бездне [неба]. [Они] прямо отправились в Китай [и затем] последовали по благородным стопам Фа-сяня [и] Сюань-цзана. Отправившись на край света, [они] смотрели на [дальние страны] как на соседний переулочок. Их [можно] сравнить с такими [выдающимися людьми], как послы Чжан Цянь⁸⁵ [и] Су У⁸⁶!»

Биографии корейских монахов-паломников в «Жизнеописаниях достойных монахов Великой Тан, искавших Закон в западных пределах»

Текст

[Сюань-чжао]

沙門玄照法師者。太州仙掌人也。〈...〉在中印度菴摩羅跋國遘疾而卒。春秋六十餘矣〈...〉

⁷⁹ В оригинале 不如葷. Последний иероглиф означает «остропахнувшие овощи» (*Soothill W. and Hodous L. A Dictionary*. P. 411), то есть «пять сильнопахнувших трав» (五辛), которые запрещено употреблять в пищу буддийским монахам. К числу этих пяти трав принадлежат лук душистый (*Allium odorum*), культурные виды лука (преимущественно *Allium cepa*), чеснок (*Allium sativum*), лук одноцветковый (*Allium monanthum*) и ферула вонючая (*Ferula assafoetida*, на Дальнем Востоке ее место занимает имбирь лекарственный — *Zingiber officinale*). См.: Пульгэ тэсачжон. С. 1812; Пульгэ сачжон. С. 628; *Soothill W. and Hodous L. A Dictionary*. P. 128.

⁸⁰ В тексте лакуна из десяти иероглифов.

⁸¹ Под деревом *бодхи* (*Ficus religiosa*), согласно преданию, обрел просветление Будда Шакьямуни.

⁸² Драгоценные ступени трех путей — три лестницы из золота, серебра и стекла, построенные царем богов Индрой 帝釋天 для Будды, когда последний закончил трехмесячную проповедь Закона на небе Траястримша 忉利天 и собирался спуститься обратно на землю (см.: Пульгэ тэсачжон. С. 1170).

⁸³ Питер Ли предлагает вместо 導 «наставления, руководство» читать здесь 道 «путь», что выглядит логичнее (см.: *Lives of Eminent Korean Monks*. С. 97, примеч. 497).

⁸⁴ «Повесить посох» (掛錫) — образное выражение, означающее «найти пристанище».

⁸⁵ Чжан Цянь — государственный деятель эпохи Хань, который совершил путешествие в царство Юэчжи 月氏, находившееся за западной границей Китая.

⁸⁶ Су У — ханьский посол, плененный хунну 匈奴 и много лет проведший на чужбине.

[Ананьябальма]

阿難耶跋摩者。新羅人也。以貞觀年中出長安之廣脇王城小名追求正教親禮聖蹤。住那爛陀寺。多閑律論抄寫衆經。痛矣歸心所期不契。出雞貴之東境。沒龍泉之西裔。卽於此寺無常。年七十餘矣雞貴者。梵云矩知吒訶說羅。矩知吒是雞。訶說羅是貴。卽高麗國也。相傳云。彼國敬雞神而取尊。故戴翎羽而表飾矣。那爛陀有池。名曰龍泉。西方喚高麗爲矩知吒訶說羅也。

[Хеоп]

慧業法師者。新羅人也。在貞觀年中往遊西域。住菩提寺觀禮聖蹤。於那爛陀久而聽讀。淨因檢唐本。忽見梁論。下記云。在佛齒木樹下新羅僧慧業寫記。訪問寺僧。云終於此。年將六十餘矣。所寫梵本並在那爛陀寺。

[Хэнтхэ]

玄太法師者。新羅人也。梵名薩婆慎若提婆唐云一切神天永徽年內取吐蕃道。經泥波羅到中印度。禮菩提樹詳檢經論。旋踵東土行至土谷渾。逢道希師覆相引致。還向大覺寺後歸唐國。莫知所終矣。

[Хёнгак]

玄恪法師者。新羅人也。與玄照法師貞觀年中相隨而至大覺。既伸禮敬遇疾而亡。年過不惑之期耳。

[Два безымянных монаха]

復有新羅僧二人。莫知其諱發自長安遠之南海。汎舶至室利佛逝國西婆魯師國。遇疾俱亡。

[Херюн]

慧輪師者。新羅人也。梵名般若跋摩唐云慧中自本國出家翹心聖迹。汎舶而陵岡越。涉步而屆長安。奉勅隨玄照師西行以充侍者。既之西國遍禮聖蹤。唐菴摩羅跋國在信者寺住經十載。近住次東邊北方觀貨羅僧寺。元是觀貨羅人爲本國僧所造。其寺巨富資產豐饒供養浪設餘莫加也。寺名健陀羅山茶。慧輪住此。既善梵言薄閑俱舍。來自尙在年向四十矣。

[Хёнью]

僧哲弟子玄遊者。高麗國人也。隨師於師子國出家。因住彼矣。

Перевод

[Сюань-чжао]

Наставник Закона монах-шрамана Сюань-чжао был уроженцем [уезда] Сянь-чжан⁸⁷, [что в округе] Тай-чжоу⁸⁸. <Следует весьма подробное — свыше 750 иероглифов —

⁸⁷ Сяньчжан — другое название уезда Хуань 華陰 пров. Шэньси 陝西 (см.: Да Тан си юй цю фа. Пекин, 1988. С. 13–14, коммент. 2). В полном описании географии Пэкче, Когурё и Силла, помещенном в «Исторических записях трех государств», этот топоним для Кореи не отмечен (см.: *Ким Бусик*. Самук саги. Т. 3. С. 63–92).

⁸⁸ Тайчжоу — другое название округа Хуачжоу 華州 (см.: Да Тан си юй цю фа. Пекин. 1988. С. 13–14, коммент. 2). В полном описании географии Пэкче, Когурё и Силла, помещенном в «Исторических записях трех государств», этот топоним для Кореи не отмечен (см.: *Ким Бусик*. Самук саги. Т. 3. С. 63–92).

повествование о паломничестве Сюань-чжао в Индию. > Пребывая в Центральной Индии, в стране Амарав[ти], [он] заболел и скончался. Возраст [его составлял] около шестидесяти [лет]. <...>

[Ананьябальма]

Ананьябальма был уроженцем Силла. В годы [правления под девизом] Чжэнь-гуань [Ананьябальма] покинул Чанъань [и] отправился в [горы] Широких склонов⁸⁹ (другое название [гор] Государевой крепости). [Он] ревностно искал истинное учение [и] лично поклонился следам совершенномудрого. [Затем он] остановился в монастыре Наланда. [Он] хорошо знал [сочинения по] монашеской дисциплине [и фило-софские] трактаты, [а также] переписал множество сутр. Желание вернуться [на родину] томило [его], [но это его] стремление не осуществилось. [Он] появился [на свет] на восточной границе, [где] почитается петух, [и] ушел [из жизни] на западной окраине, [где струится] Драконий источник. [Ананьябальма] скончался в этом храме. [Ему было] около семидесяти лет. («[Страна, где] почитается петух», на санскрите именуемая Куккутешвара — «куккута» значит «петух», [а] «ишвара» значит «почитаемый», — это государство Ко[гу]р[е]⁹⁰. Говорят, [что] в этой стране почитают духа петуха и придерживаются [обычая] поклоняться [ему]⁹¹. Поэтому [местные жители] наряжаются, втыкая перья в головной [убор]⁹². В [монастыре] Наланда есть пруд. [Он] именуется «Драконий источник». В западных краях [страну] Ко[гу]р[е] называют «Куккутешвара».)

[Хеоп]

Наставник Закона Хеоп был уроженцем Силла. В годы [правления под девизом] Чжэнь-гуань [он] отправился в Западный край. [Хеоп] поселился в монастыре Бодхи, [где] видел следы совершенномудрого [и] поклонился [им]. [Он] долго пробыл в [монастыре] Наланда и слушал [там] чтение [сутр и трактатов]. [Я], [И]-цзин, руководствуясь [его объяснениями], проверил китайские тексты [переведенных с санскрита книги]. [Я] просматривал «Лянскую [Сампариграха]-шастру», [и] в заключительных [ее] строках говорилась: «[Этот] текст скопировал силлаский монах Хеоп под древом зуба Будды». Посетивший [позднее] монастырь [Наланда] монах сообщил [мне], [что Хеоп] скончался в этом [монастыре]. Возраст [его] близился примерно к шестидесяти [годам]. Все переписанные [им] санскритские книги находятся в монастыре Наланда.

⁸⁹ Ван Бан-вэй предлагает реконструкцию «Випаршвагири» и указывает на возможность отождествления этого топонима с упоминаемой в т. 9 «Записок [о путешествии] из Великой Тан в западные пределы» *大唐西域記* горой Випулагири 昆布羅山 (см.: Да Тан си юй шо фа. Пекин, 1988. С. 41, коммент. 3).

⁹⁰ Как указано выше в тексте биографии, Ананьябальма был родом не из Когурё, а из Силла. К началу VIII в., когда И-цзин писал свое сочинение, однако, Когурё как самостоятельное государство уже не существовало (оно было уничтожено совместным нападением Китая и Силла в 668 г.), и поэтому, возможно, китайский автор воспользовался названием этого уже исчезнувшего государства для обозначения Корейского полуострова в целом.

⁹¹ В корейских преданиях о государях-родоначальниках часто фигурирует петух, что, возможно, действительно свидетельствует о почитании этой птицы древнекорейскими племенами. В частности, государство Силла в древности носило имя Керим 鷄林 — Петушинный лес. Этимология этого топонима восходит к названию священной роши, где был найден чудесный младенец (будущий основатель царского рода Ким 金), о явлении которого возвестил крик белого петуха. См.: *Ким Бусик*. Самкук саги. Т. 1. С. 81; Корейские предания и легенды из средневековых книг. Сост. и коммент. Л.Р. Концевича, вступит. ст. Б.Л. Рифтина. М., 1980. С. 44–46, 49. Петух упоминается и в других корейских легендах. Ср. роль петуха в японской мифологии.

⁹² Это утверждение И-цзина хорошо подтверждается изобразительными материалами. Так, всадники, изображенные на знаменитой фреске со сценой охоты из когурёского кургана Танцующих 舞踊塚, имеют на шапках украшения в виде пучков длинных перьев. Репродукцию этой фрески см.: *Koreana*. Vol. 18, No. 3 (Autumn 2004). P. 8–9.

[Хэнтхэ]

Наставник Закона Хэнтхэ был уроженцем Силла. [Его] санскритское имя — Сарваджня-дэва (по-китайски [это] значит «Всеведущее божество»). В годы [правления под девизом] Юн-хуэй [Хэнтхэ] отправился в Тибет. Миновав Непал, [он] прибыл в Центральную Индию. [Хэнтхэ] поклонился дереву бодхи [и] тщательно изучил сутры [и] шастры. Повернув [в] восточные земли, [он] пустился в путь и пришел в [край] Тугухунь⁹³. [Там он] встретил наставника Дао-си⁹⁴. Вновь пойдя с ним [на запад], [Хэнтхэ] направился обратно в монастырь Великого пробуждения [и] затем возвратился в Танское государство. [Я] не знаю обстоятельств кончины [Хэнтхэ].

[Хэнгак]

Наставник Закона Хэнгак был уроженцем Силла. Отправившись [на запад] вместе с наставником Закона Сюань-чжао в годы [правления под девизом] Чжэнь-гуань, [он] прибыл в [монастырь] Великого пробуждения. Повсюду поклонившись [святыням буддизма], [Хэнгак] заболел и умер. Возраст [его] едва перевалил рубеж, [когда] «не [остается] сомнений».

[Два безымянных монаха]

Еще были два силласких монаха — [я] не знаю их имен. Отправившись из Чанъани, [они] далеко проникли в южные моря. Поплыв на корабле, [эти монахи] достигли страны Барос⁹⁵, [что на] запад от страны Шрибуджа. [Там они] заболели [и] оба умерли.

[Херюн]

Наставник Херюн был уроженцем Силла. [Его] санскритское имя — Праджняварман (по-китайски [это] значит «Доспехи мудрости»). С [тех пор как он] стал монахом в своей стране, [Херюн] неотступно думал о священных памятниках [буддийской истории]. Плывя на корабле, [он] вступил в [пределы] минь [и] юэ [и], следуя пешим [путем], прибыл в Чанъань. Получив повеление, [он] отправился на запад, следуя за наставником Сюань-чжао в качестве служителя. По приходе в западные страны [Херюн и Сюань-чжао] повсюду поклонялись следам совершенному мудрого. [Остановившись на] жительство в государстве Амаравати, [они] жили в монастыре Чинча на протяжении десяти лет. Проведя [это время] поблизости [от святынь этого монастыря], [они] переселились на восточную окраину, в монастырь, [где обитали] монахи из северного края Тукхара⁹⁶. Изначально [этот монастырь] был построен людьми Тукхара для монахов своей страны. Этот монастырь был неизмеримо богат. Достояние [этого монастыря] было велико, [а] подносимые [мирянами] пища [и] утварь [таковы, что] не [приходилось желать] лучшего. Название храма было Гандхарачанда. Херюн поселился там. [Он] уже хорошо владел санскритом [и] подробно изучил «[Абхидхарма]-коша-[шастру]». В день [моего] прихода [Херюн] еще жил [в том монастыре]. Возраст [его] близился к сорока [годам]. <...>

⁹³ Ветвь племени сяньби 鮮卑, обитавшая на северо-западе современной провинции Ляонин 遼寧, а затем перекочевавшая на границу современных провинций Ганьсу 甘肅 и Цинхай 青海 (см.: Да Тан си юй цю фа. Пекин, 1988. С. 44, коммент. 5).

⁹⁴ Его биография помещена выше в этом же памятнике. См.: ТСД. Т. 51, 2а 28–b 14.

⁹⁵ Ван Бан-вэй указывает, что страна Барос находилась в западной части о-ва Суматра (см.: Да Тан си юй цю фа. Пекин, 1988. Приложение 1).

⁹⁶ Реконструкция названия дана по: Да Тан си юй цю фа. Пекин, 1988. С. 18, коммент. 16.

[Хёнью]

Ученик Сэн-чжэ [по имени] Хёнью был уроженцем государства Ко[гу]рё. Последовав за учителем, [он] постригся в монахи на Цейлоне. Поэтому [он] поселился там.

Сокращения

ДТ ГСЧ — Да Тан си юй цю фа гао сэн чжуань 大唐西域求法高僧傳 (Жизнеописания достойных монахов Великой Тан, искавших Закон в западных пределах) // ТСД. Т. 51, № 2066.

ТСД — Тайсё: синсю: дайдо:кё: 大正新修大藏經 (Трипитака, вновь отредактированная в эру Тайсё). Т. 1–100. Токио, 1960–1979.

ХКЧ — Хэдон косын чон 海東高僧傳 (Жизнеописания достойных монахов Страны, что к востоку от моря) // ТСД. Т. 50, № 2065.

Summary

**Biographies of Pilgrims to India
in *Haedong Koseung cheon*
and *Da Tang xi yu qiu fa gao seng chuan***

Translation from Hanmun
and analysis by Yu.V. Boltach

The paper is dedicated to the comparative study of “Lives of Eminent Korean Monks” (海東高僧傳), composed by the Korean scholar-monk Kakhun (覺訓) in 1215, and one of its sources, “Lives of the Eminent Monks of Great T’ang who Sought the Law in Western Countries” (大唐西域求法高僧傳), composed by the Chinese pilgrim Yi-jing (義淨) in the beginning of the 8th century. The appendix contains the annotated translation of the corresponding parts of the two texts into Russian.